

Журналистика и разведка

Борис Чехонин

ISBN 5-9265-0048-6

В своих воспоминаниях журналист-международник Борис Чехонин рассказывает о судьбе журналиста второй половины двадцатого века, делится впечатлениями от встреч с советскими и зарубежными государственными деятелями. Очевидец и участник описываемых в книге событий, он освещает борьбу КГБ против диссидентов, приоткрывает некоторые тайны в работе наших разведчиков и дипломатов за рубежом.

СОДЕРЖАНИЕ

ТАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ

- Звонок из ФСБ
- Почему застрелился следователь Мишагин
- За колючей проволокой лагерей
- Как в Москве вербовали иностранцев
- Сталин и Вышинский вблизи
- Бегство офицера разведки
- По стакану водки за завтраком

ПО ДОРОГАМ ЯПОНИИ

- Токио: посол, резидент и другие
- Хрущёв, Зорге и ЦРУ
- Встречи со смертниками и олигархом
- Первый орден корреспондента

ЗНАКОМЬТЕСЬ — АВСТРАЛИЯ!

- Акция Тайваньской разведки
- Картинки жизни на Пятом континенте
- Сидней: Смерть на автобусной остановке
- За рулём по Новой Зеландии
- Был ли в Лэнгли советский "Крот"?

В КОРРИДОРАХ КРЕМЛЯ И КГБ

- Неудачная любовь Олечки Русаковой
- Сахаров и Солженицын под прицелом КГБ
- Десять дней при коммунизме
- "Киношные" будни в приёмной Брежнева
- О "бабах" с начальником контрразведки

ИНДИЯ. ПОСЛЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНФАРКТА

- На пальме полковник КГБ
- Выстрел в десятку. Разговор о моче с Премьером
- Рядом с Великой дочерью Индии
- Дели: в гостях Леонид Брежнев
- Кто он, живой Бог или агент ЦРУ?
- "Генеральское" звание в журналистике

ПО ЗАДАНИЯМ КГБ И ЦК КПСС

- "Товарищу Чехонину от парткома КГБ"
- "Иисус Христос любит тебя"
- С угонщиком самолёта в КГБ Ленинграда
- Фонд Солженицына за работой
- История двойного агента
- Звёзды Голливуда и КГБ
- Хачатурян, Блантер и дети вождей

ГАДАЛКА: ВЫ ПОЕДЕТЕ В ТАИЛАНД

- Сто миллионов долларов в моём кармане
- Пумипон Адульядет — саксофонист и Король
- Там, где течёт героиновый Стикс
- В море за жемчужными раковинами
- В Таиланде помнят о Фаберже
- "Ошибки" контрразведчика и корреспондента

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

- Прощай, журналистика, здравствуй, бизнес!
- Разговор с киллером по душам
- Россия: обратной дороги нет

ТАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ

Звонок из ФСБ

Пенсионный возраст — это как жизнь заключённого в камере-одиночке. Никому не нужен, кроме семьи и небольшой, годами проверенной горстки друзей. Телефонные звонки редки, в первую очередь деловые. Можно представить моё удивление, когда в моей квартире раздался необычный звонок. Откуда бы вы думали? Из Федеральной службы безопасности — правопреемницы Второго главного управления КГБ. Я бы назвал это управление не вторым, а первым. Разве можно было в советское время сравнивать контрразведку с разведкой? Именно контрразведка окутала огромной незримой сетью страну, именно она бросила в ГУЛАГ сотни тысяч людей. А сколько штатных и нештатных агентов из числа видных деятелей культуры, дипломатов, учёных и даже впоследствии диссидентов значилось в совершенно секретной её картотеке. Их не перечислить. Без "добра" Второго главка ни один человек не назначался на сколько-нибудь ответственный пост в госучреждениях и даже в аппарате ЦК КПСС.

Приятный мужской голос в трубке, удостоверившись, с кем ведёт разговор, попросил в удобное время зайти на Лубянку. Я не стал противиться. К чему? Времена изменились, служба безопасности в отличие от КГБ перестала быть страшным пугалом. Разбирало любопытство: зачем им потребовался пенсионер?

Мы договорились с полковником (не стану называть его имя) о дне и часе условленной встречи. Я был точен. Вот она, знакомая приёмная КГБ на Лубянке. В ней приходилось бывать не раз. И когда отозвали, как "потенциального врага" из Австралии, и потом, когда по долгу службы в ТАСС вместе с чекистами принимал участие в подготовке разоблачительных материалов для прессы об агентуре ЦРУ и страшивших власть диссидентах. Изменилось ли здесь что-нибудь с той поры, когда в последний раз довелось пройти по знакомым коридорам в 1986 году?

Перемены, как и всюду в стране, имелись, и притом не к лучшему. В небольшом бюро пропусков хвосты очередей перед телефонными кабинками работают из нескольких только две. В гардеробной вместо бравых парней пожилая женщина со следами увядшей красоты. Быть может, и она когда-то работала агентом за рубежом или дома, в Союзе, негласным сотрудником КГБ в одном из иностранных посольств. Теперь её обязанность — принимать и выдавать пальто. Именно не шинели, пальто. В этом плане жизнь не изменилась, чекисты ФСБ, как и прежде, редко пользуются формой. В коридоры, как женщина из прошлого, пришли сегодня потёртые ковровые дорожки. На новые денег нет.

Впрочем, всё это мелочи. Состоявшийся с полковником разговор показал — настоящий негатив в другом и более важном. От прошлого унаследован менталитет, и, прежде всего антизападный. И это в современном мире, когда жизнь показала всю бессмысленность стратегии балансирования на грани ядерной войны; когда, обескровленная коммунистическими перестройками вместе с нынешним продолжением безграмотной политики в сфере экономики, созданием клана олигархов и невиданным доселе казнокрадством, страна не в силах содержать свою до предела урезанную, голодную армию и органы правопорядка; когда, чтобы выжить и хоть как-то прокормить свой народ, правительство, подобно нищему, не перестаёт канючить о помощи, об отсрочке выплат долгов в различных финансовых организациях США и Запада в целом. Можно ли в такой обстановке придумать нечто более абсурдное, чем возврат к старому — страху ядерного уничтожения, железному занавесу, изоляции от всего передового мира? Не лучше ли попытаться найти подобие общего языка с американцами? Даже сегодня, когда в Вашингтоне новая администрация Буша, явно не расположенная к комплиментарному курсу по отношению к нам?

Собеседник — молодой, крепко сбитый человек — не спешил перейти к делу, как будто хотел дать освоиться в своём кабинете. Здесь всё как раньше: старинный внушительный сейф, на стене хорошо знакомый портрет Дзержинского и "кремлёвка" в обрамлении других телефонных аппаратов. Правда, есть и новшество в духе времени — мобильный сотовый телефон. Хозяин коротко познакомил меня со своей жизнью. Служил раньше в Пятом управлении КГБ, в идеологическом ведомстве известного чекиста генерала армии Бобкова, при демократах вырос до полковника, стал почётным чекистом, работает по 12 часов, нет покоя ни днём ни ночью. Цель моего вызова на

Лубянку — просьба помочь в написании книги об эпизоде подрывной деятельности ЦРУ, теперь уже против новой России.

Полковник встал из-за стола и подошёл к массивному сейфу.

— Вот основа для вашей будущей книги — материалы следствия, протоколы допросов, стенограммы судебного разбирательства по делу Данилова, американского агента. Он работал в нашей стране под крышей журналиста. Любопытная деталь, подсудимый — прямой потомок одного из декабристов. К сожалению, нам пришлось освободить его. Политика, никуда не денешься! Он же вместо благодарности написал о нас злую книгу. Перед нами задача — дать ему отповедь.

— Когда это произошло? — поинтересовался я.

— Примерно года четыре назад.

— Вряд ли такая книга кого-нибудь заинтересует сегодня. Как говорится, поезд давно ушёл. Где необходимая в таких случаях оперативность?

— Ну, знаете, — заметил в ответ собеседник, — пробить у нас разрешение на публикацию нелегко. Так возьмётесь за эту работу? Книга непременно увидит свет, у нас сохранились дружественные издательства за рубежом. — И затем, помолчав минуту: — Гонорар поделим пополам. Подумайте.

Я подумал и отказался. Почему? Причин было несколько. Вспомнилась характеристика, данная когда-то КГБ академиком Сахаровым.

— КГБ, — сказал он, — единственная организация, которую не затронула коррупция. Мой опыт подсказывал: знаменитый правозащитник во многом был прав. Мне, к примеру, прежде ни разу не пришлось выслушивать в Пятом идеологическом управлении предложения поделить гонораром. Конечно, наш разговор с полковником отразил реалии современного общества, и не так уж, видимо, виноват чекист. В самом деле, почему он должен жить на одну невысокую заработную плату, когда многие чиновники президентской администрации, депутаты Думы, генералы российской армии богатеют на глазах за счёт различных незаконных доходов? Но тогда меня всё-таки это покорило.

И другая, более веская причина — будь эта книга написана, не пришлось бы она ко времени, даже сегодня, несколько лет спустя. Разведки всегда воевали и будут сражаться друг с другом. ЦРУ по-прежнему засылает к нам агентуру, не остаёмся в долгу и мы. Новая вашингтонская администрация Буша пытается проявить по отношению к нам "твёрдость", то высылая десятки наших "дипломатов-шпионов", то принимая на высоком государственном уровне посланца чеченских террористов. Но стоит ли нам в ответ вносить свою лепту в нагнетание напряжённости, разрушать пока ещё шаткие мостки взаимопонимания, которые с таким трудом удалось перебросить между Москвой и Вашингтоном? К сожалению, возможности у нас уж не те, что были в эпоху "застоя". "Перестройщик" Горбачёв и "демократ" Ельцин разрушили былую великую державу не только политически, но и подорвали её военную мощь, которая позволяла нам разговаривать с Вашингтоном на равных. Похоже, наш президент Путин это отлично понимает, когда заявляет о неизменности курса Москвы на улучшение отношений с Америкой. Будем надеяться, что в конце концов прозреет и Белый дом. Но хватит политики — ведь эта книга не о ней, а всего лишь записки о собственной журналистской судьбе. Возвращаясь с Лубянки домой, я думал об агенте Данилове. Корнями русский, потомок декабристов, известный журналист — и вдруг американский разведчик. Что заставило его работать против родины своих предков? Ответа не было. С самим Даниловым не поговоришь, он далеко, возможно, ещё служит в штаб-квартире ЦРУ в Лэнгли, под Вашингтоном. А может, ушёл в отставку и стал просто "чистым" американским журналистом. Сколько было на моей памяти таких вот журналистов у нас в Москве, в "Правде", "Известиях", ТАСС! Одни, работая за рубежом под журналистской "крышей", уходили в отставку лишь в силу возраста, другие предпочитали расстаться с профессией разведчика, как говорится, во цвете лет и посвятить себя целиком журналистике и книгам, которые появлялись на свет из-под их пера.

По дороге я думал: к чему писать книгу об американском корреспонденте, хоть он и потомок декабриста? Не лучше ли рассказать о наших людях — газетчиках, дипломатах, разведчиках, — верно служивших родине дома и за рубежом? Конечно, лишь о немногих, с которыми сталкивала жизнь. Так пришло решение написать эту книгу. И когда она появилась на экране компьютера, понял: написать её легче, чем издать. Нынче другие времена. Всё определяет коммерция. Если не повезёт, пусть

останется в рукописи. Надеюсь, она представит какой-то интерес для моих внуков. Не хотелось, чтобы они стали "Иванами, не помнящими родства", не знающими, как работали и жили их прародители теперь уже в прошлом веке.

Почему застрелился следователь Мишагин

Моя жена, коренная москвичка, порой не прочь напомнить: ты в столице "лимита", чужеродный элемент. Что же, моё детство и юность прошли далеко от Москвы — на великой реке Волге. С годами память всё ярче воскрешает стёртые было картинки давних минувших дней. Маленькая, метров десять, комнатка в коммунальной казанской квартире. Нас трое, родители и я. Туалет — деревянный скворечник во дворе, куда дефилируешь на глазах жителей двухэтажного дома. За водой приходится ходить за пару кварталов с ведрами. Нет ни душа, ни ванной. Мебель убогая: железная кровать родителей, стол, четыре стула и потёртый, обитый дерматином диван. На нём я сплю и готовлюсь к урокам. Готовлюсь под неусыпным контролем вождя. Днём нас в комнате двое — я и Сталин. Великий вождь подозрительно взирает с портрета. Портрет — единственное украшение комнаты. Большой, в дорогой деревянной раме. Отец истратил на него месячную заработную плату. Не потому, что портрет представлял художественную ценность. Скорее всего, его рассматривали как индульгенцию, способную принести прощение за грехи родителей. Предки их до революции имели крупные счета в Казанском банке, доходные многоэтажные дома, собственных рысаков и прочие атрибуты богатства. После 1917 года семье пришлось скрыться, растворившись на далёких просторах России. В Казань в начале тридцатых вернулись не все.

Портрет не спас семью от репрессий. Мужья моих тёток — один офицер царской армии и другой поляк по национальности — получили "своё" в 1937, по 25 лет заключения — и отсидели срок от звонка до звонка. Тётки брали меня с собой, когда ходили по тюрьмам в надежде найти мужей и передать им продукты. Напрасно. След "врагов народа" не удавалось отыскать многие годы.

Отец, скромный советский служащий, тоже ждал со дня на день ареста. Под кроватью хранился мешок с тёплыми вещами и сухарями — на случай, если ночью раздастся стук в дверь и суровый голос потребует: "Откройте дверь, НКВД!" Слава богу, отцу повезло. Германия угрожала вторжением в Чехословакию, и его вместе с тысячами других призвали в Красную Армию. Но эхо борьбы против "врагов народа" продолжало звучать в нашей коммуналке. Однажды в два часа ночи в квартире раздался выстрел. Через несколько минут в коридоре послышался топот сапог. Какие-то люди в форме НКВД быстро загнали обратно выбежавших из комнат жильцов и приказали не выходить. Утром мы узнали: покончил с собой из табельного оружия сосед Мишагин, работавший следователем в казанском НКВД. Что заставило его застрелиться? Угроза ареста или больная совесть участника репрессий? Много лет спустя жена рассказала, что он, возвращаясь с работы, долго не мог заснуть, пил горстями снотворное, а уснув, нередко будил её криком. Он ничем не делился с ней, если речь заходила о службе, запрещал задавать какие бы то ни было вопросы. Но и без этого было ясно: на работе его окружают кошмары. Когда-то спокойный, уравновешенный человек на глазах превращался в неврастеника, с которым становилось всё труднее жить. 1937-й год, как гигантский дракон, поглотил свою новую жертву.

Видимо, наш сосед ушёл из жизни не только потому, что на работе ему приходилось участвовать в допросах "с пристрастием". Он видел, как НКВД бросает в тюрьмы сотни безвинных людей, а ему вместе с сослуживцами поручают сочинять уголовные дела на "агентов" японской, турецкой и прочих разведок. Или на "татарских националистов", выступающих против советской власти. Закрывая всякий раз папку дела, Мишагин знал, что больше никогда не встретится в жизни с этим человеком. Не увидит его никогда и семья. Суд, вернее "тройка", выносил, как правило, расстрельный приговор. Больная совесть не выдержала. Наш сосед предпочёл сам уйти из окружающего кошмара, которому не было видно конца.

Этот выстрел в себя запомнился на всю жизнь. И потом в сороковые, уже московские студенческие годы, вспоминались не раз и та бессонная ночь в нашей казанской коммунальной квартире, и "тюремная" корзинка отца под кроватью, и сломанные судьбы мужей моих тёток.

К чему ещё возвращается память? К судьбе друзей по двору и школе. Не у всех сложилась она удачно. Некоторые за убийства и кражи оказались в тюрьме. Это была участь многих на нашей улице Касаткина. Наши матери и отцы пропадали почти сутками на работе. Моя мама преподавала физику и математику в средней школе.

Вечерами она вела драмкружок, ставила сочинённые ею пьесы. Она была, несомненно, талантлива. На её спектакли приходили педагоги и ученики из соседних школ. Будь она в Москве, вероятно, её способности драматурга не пропали бы даром. Но кому в Казани была нужна одарённая учительница! Правда, маму всё-таки, в конце концов, представили к высшей награде — ордену Ленина. Представили не за пьесы, а за отличную успеваемость учеников. По тем временам это являлось высокой честью и редкой удачей. Мы с отцом заранее радовались, предвкушая мамину поездку в Москву, её встречу с Калининным в Кремле и, конечно, то, как мы будем гордиться мамой, рассказывая о ней во дворе соседям и сослуживцам отца по работе. Радость оказалась напрасной. На каком-то конечном согласовании списков лиц, представленных к наградам, маму заменили на "национальный кадр". Мы же жили в Татарии, где не только местному татарскому руководству, но и тем, кто сидел в Москве, надо было демонстрировать торжество сталинской национальной политики! Неважно, что та или иная кандидатура не дотягивала до уровня многих русских учителей. Главное — она была татарка по национальности!

Наши матери и отцы были вечно заняты. Нас же после школы брали в плен дворовые авторитеты. Некоторые из них, что постарше, уже успели побывать в колониях для несовершеннолетних. Они с восторгом рассказывали о романтике воровской профессии, вовлекали нас в мелкие кражи из сараев, которые были у каждого жителя нашего дома. Я благодарен судьбе и, надо думать, генам, которые спасли меня от воровского соблазна, пристрастив к учёбе и интересным книгам. И ещё к мечтам о будущем, не здесь, в Казани, а далеко-далеко, за тридевять земель. О далёких странах я часто видел сны. Вещим мне представляется сейчас один из них, когда я шёл по улицам большого чужого города среди каких-то людей с жёлтым цветом кожи и раскосыми глазами, а над всем многолюдьем сверкали электричеством крупные иероглифы рекламы. Сон и в самом деле оказался в руку. Много лет спустя мне пришлось попутешествовать и пожить в далёких восточных странах.

И всё же большинство из нас не пошли по воровской дорожке. Мы сумели выжить, стать журналистами, видными учёными, математиками, врачами. Но всем нам в досталь пришлось хлебнуть лиха в голодные и холодные годы войны. Жили надеждами. В один из июньских вечеров 1945 года мы стояли на балконе казанской средней мужской школы № 19. Нас было 15 выпускников. Война закончилась, впереди, казалось, ожидает светлое будущее без людей, умирающих от голода прямо на улицах, без трудфронта с рытьём оборонительных заграждений, без работы на военных складах, где учащимся школ приходилось сортировать окровавленное обмундирование, доставать из его специальных карманов чёрные пенальчики — паспорта смерти. Планы были радужными. И у многих они сбылись. Одни уехали в Москву, другие в Ленинград, где поступили в военные высшие учебные заведения. Надо отдать справедливость советской власти, без бесплатного в то время образования, стипендий и общежитий нам не удалось бы стать тем, кем мы стали, получить высшее образование, выжить в далёких и чужих городах. В разорённой войной стране, когда десятки, если не сотни, городов, тысячи сёл и деревень оказались разрушенными или просто стёртыми с лица земли, когда промышленность и сельское хозяйство требовали неотложных громадных финансовых вложений, правительство находило возможность финансировать образование. Поддержать своих детей, материально помочь им родителям практически было не под силу. Наша семья не являлась исключением. Мать-учительница умирала от туберкулёза, отец получал 1200 рублей в месяц. Килограмм картошки — основы пищевого рациона — стоил, к примеру, 40 рублей. А одежда, квартплата, свет! Не всё было плохо при Сталине!

После семейного совета мама благословила меня на поездку в Москву. Поздно я понял, как трудно было для этой замечательной женщины расстаться с единственным сыном. В июльский вечер 1945 года я оказался под лавкой пассажирского вагона без билета и соответствующих документов. Въезд в столицу без пропуска был категорически запрещён. Рядом с моей головой в пути не раз гремели кирзовые сапоги патрулей. Спасали сумки, мешки, которыми заставили "зайца" сердобольные пассажиры. Война, смерть близких, голод не сумели ожесточить людей, сделать их равнодушными к чужим судьбам. Память не сохранила имя майора, посоветовавшего мне сойти вместе с ним в подмосковных Люберцах, переодеться на квартире его матери, а затем на электричке добраться до пригородных платформ, где не дежурили патрули. С тех пор прошло

более полувека. До сих пор жалею, что потерял из виду этого майора и, повзрослев, не сказал спасибо за его участие и доброту.

Общежитие Московского института востоковедения, деревянный двухэтажный барак в Алексеевском студенческом городке близ ВДНХ. Мы с Володей Аранским, демобилизованным старшиной, по-братски вместе делим трудные будни жизни. Как зверски хочется есть в семнадцать лет. Володя неумолим — жди трёх часов дня! Именно в это время, вернувшись из института, приступаем к трапезе: мороженая картошка и то немногое, что выдают по студенческим карточкам. Кастрюля бурды на двоих в сутки. В общежитии не топят, спим в пальто и валенках. В свободное от занятий время обретаемся на Рижском вокзале. Если повезёт, здесь нанимают разгружать картошку. Глядишь, нам помимо денег достанется полмешка дефицитного продукта. Иногда жизнь одаривает настоящей улыбкой. Общество по распространению научно-политических знаний посылает в оплачиваемую командировку в Сибирь. На шахтах Черемховского угольного бассейна под Иркутском читаем вернувшимся со смены недавним заключённым лекции на тему "Наша цель — коммунизм". Им же не до коммунизма. Все мысли о сегодняшнем дне, точнее вечере. Как скрасить жизнь, отвлечься от мрачной реальности. Способ проверенный — бутылка водки на человека и немудрёная закуска: варёная картошка, солёные капуста и огурцы. Некоторые предпочитают испытанное в лагерях и более дешёвое средство. В стакане воды заваривается целая пачка чая. Выпил несколько глотков — и в отключке надолго. Но студенческая жизнь всё равно прекрасна. В институте читает лекции талантливый учёный — академик Николай Иосифович Конрад, который ютится вместе с женой в крохотной комнатухе деревянного домика-коммуналки возле здания института. Сын царского придворного, испытывавший на себе "прелести" ГУЛАГа, он впервые побывал в Японии до революции, учился в Токийском университете, жил и столовался в обычной японской семье. Сколько интересного он знал об обычаях, нравах народа. Под стать ему были и другие преподаватели. Их костяк составляли бывшие ученики академика — погоревшие дипломаты, сотрудники советской разведки, а также русские эмигранты, вернувшиеся из Маньчжурии после войны. Они открывали для нас окно в своеобразный, незнакомый мир национальной культуры, истории и политики Японии. Лейтмотивом лекций служила мысль: да, Япония повержена, специалисты по её истории, языку сегодня практически никому не нужны. Иным будет положение к вашему окончанию института. Страна возродится в короткий срок и станет одной из самых передовых в мире.

В такое будущее хотелось верить. Иначе к чему вся борьба с житейскими невзгодами, постижение труднейшей японской грамматики, зубрёжка тысяч иероглифов, изучение, помимо современного, элементов древнего японского языка. А пока от мрачных раздумий о возможной безработице отвлекают бурные политические события в собственной стране. Они подхватывают нас, как щепки, и бросают в самую гущу гигантского водоворота человеческих страстей. В самых "лучших традициях" холодной войны ЦК КПСС и МГБ развернули в стране борьбу против космополитизма. В то время как Япония повернулась лицом к своему недавнему врагу — Соединённым Штатам Америки, заимствуя у Вашингтона всё лучшее — демократические идеалы и новейшие технические достижения, — нас убеждали в российском приоритете во всех сколько-нибудь значительных открытиях в области науки и техники, убеждали в необходимости опоры на собственные силы. От советских людей требовали дать отпор преклонению перед Западом и его проводникам в обществе. Естественно, наш престижный политический вуз не мог оставаться в стороне от инициированной Сталиным новой широкомасштабной кампании. Полетели головы целого ряда преподавателей. Память сохранила имена двух самых уважаемых и любимых.

Роберт Элмстон приехал в Москву из Америки. Член компартии США, он стремился принять личное участие в строительстве социализма, в подготовке высококвалифицированных кадров, хорошо владеющих английским языком. Среди студентов он пользовался популярностью и уважением. Роберт Элмстон оказался среди первых, выброшенных за борт. К сожалению, так и не удалось проследить за его дальнейшей судьбой. Вернулся ли он на родину или закончил дни в лагерях — полную информацию на сей счёт можно найти лишь в архивах КГБ.

Профессор Брегель запомнился как блестящий учёный. Автор учебника и ряда книг о политической экономии капитализма, замечательный оратор. На его лекциях было

слышно, как пролетит муха. Что побудило убрать его? Конечно же, "пятый пункт" — он был евреем по национальности. В конце концов, обстоятельства вынудили видного специалиста по экономике эмигрировать в Израиль. Голда Меир пригласила "безродного космополита" на работу советника при премьер-министре.

В 1946—1948 годы в актовом зале нашего института шли бурные открытые комсомольские и партийные собрания. Выступавшие громили "космополитов". Под этим словом подразумевались как преподаватели евреи, так и люди этой национальности в целом. С трибуны звучали обвинения и в адрес советских и международных еврейских организаций, в первую очередь Еврейского антифашистского комитета. Термин "безродный космополит" сделался синонимом слова "еврей". Нам внушали, что советские граждане еврейской национальности разделяют идеи международного сионизма и поэтому не могут быть по-настоящему преданными советскому государству. Эта пропаганда встречала у части студентов позитивный отклик, особенно у тех, кто вёл голодную и холодную жизнь в общежитиях. Они видели, как их сокурсники-москвичи, у которых отцы занимали "хлебные" посты в промышленности и торговле, одевались по последней западной моде, приезжали на занятия за рулём тогда ещё редких собственных "москвичей", "побед" и даже трофейных автомобилей, делились порой рассказами о загулах в известнейших ресторанах и компаниях золотой молодёжи. Как тут не поверить в жизненную актуальность сданного было в архив старого лозунга "бей жидов, спасай Россию!"?

Антиеврейские настроения в нашей студенческой среде сравнительно быстро пошли на убыль. Особенно когда в круговерть расправ стали всё чаще попадать твои однокашники не только еврейской национальности. Маразм крепчал. Память возвращала историю следователя Мишагина и других жертв того времени. Из аудиторий один за другим стали исчезать люди. Их товарищи потом шёпотом рассказывали об арестах. В конце пятидесятых я встретился в Москве с Майей, бывшей студенткой персидского отделения. Её реабилитировали, приняли в партию, восстановили в институте, носившем уже другое название. В кафе Дома Дружбы мы заказали бутылку вина и вспомнили прошлое. Майя рассказала об ужасах северных лагерей. Ей помогло выжить на зоне лишь то, что судьба наградила артистическим даром и помогла стать звездой художественной лагерной самодеятельности.

За колючей проволокой лагерей

Сегодня, когда спустя полвека думаешь об отшумевших сороковых годах, чаще всего вспоминается иная веха студенческих лет — языковая практика. Признаюсь, с позиций тех лет нынешнему молодому поколению японоведов, в том числе моим сыну и дочери, можно лишь позавидовать. Вот уже много лет студентов японского отделения Института стран Азии и Африки (так называется бывший наш вуз) посылают на практику в Японию, где они в течение года совершенствуют языковые знания, постигают историю, культуру, национальные традиции, особенности местного образа жизни. Нам о такой практике не приходилось мечтать. После третьего курса в особом отделе нашего института за железной дверью мы заполняли специальные анкеты. Заполняли не все, а лишь те, кто прошёл предварительный отбор. Спустя месяцы строгой фильтрации в органах контрразведки, куда руководство института представляло наши документы, прошедшие проверку счастливицы направлялись работать переводчицами в лагеря японских военнопленных. Их насчитывались сотни. После капитуляции Японии в советском плену оказалась практически вся Квантунская армия — около полумиллиона солдат и офицеров.

Разные это были маршруты, так же как и сами лагеря. Одним студентам предстояло практиковаться в Подмосковье, другим в Казани, республиках Средней Азии, на Дальнем Востоке. Неодинаковыми были и условия практики. Мы завидовали тем, кто попадал в обычные лагеря. Пленные там расконвоированы, передвигаются по улицам без традиционной охраны автоматчиков и немецких овчарок. В таких лагерях у переводчиков нет никаких забот, кроме языковых. Нам же с Юрой Козловским, ставшим впоследствии видным учёным, специалистом по японской философии, крупно "повезло". Летом 1948 года нас направили работать на Дальний Восток в небольшой шахтёрский городок Сучан, ныне Партизанск, в лагерь "строгого режима".

Восемь дней едем на третьих полках общего вагона. На станциях в Сибири стоят товарные эшелоны, везущие куда-то людей. Вот они, их пассажиры: длинная вереница женщин с коромыслами на плечах под охраной автоматчиков и собак протянулась от товарняка к станционной колонке с водой, дети, старики, просящие из открытых дверей вагонов хлеб у пассажиров "гражданских поездов". К ним не подойдёшь, рискованно даже бросить кусок издалека. Охрана строго пресекает любые человеческие контакты. Женщины, дети, старики — члены семей бандеровцев с Западной Украины. Их насильственно переселяют в Сибирь и на Дальний Восток. Жуткую картину дополняют покосившиеся дома редких деревень, бедно одетые, голодные местные жители. Последствия войны чувствуются и здесь, за тысячи километров от мест, где по стране прокатился огненный ураган Отечественной войны. В Сучане нас встречают высокие терриконы шахт, маленькие домики, утопающие в зелени садов, и колючая проволока лагеря. Сопровождающий офицер поселяет нас в крохотной комнатке одноэтажного деревянного барака. Обстановка нехитрая: две железные кровати с ватными матрацами и серыми солдатскими одеялами, древний стол с двумя стульями и подслеповатое оконце. Зато у вас есть важное преимущество, утешает провожатый, — близко от лагеря.

Лагерь действительно рядом. Из окна видны тройные ряды колючей проволоки. Между ними мёртвая зона. Там дежурят собаки, и через каждую сотню метров вышки с автоматчиками. Невольно ловишь себя на мысли: отсюда не убежишь. Стоит незнакомцу приблизиться к колючему заграждению, как с вышки раздаётся окрик "стой, кто идёт!". Не дай бог промедлить с ответом, рискуешь получить пулю.

Офицер знакомит с сутью предстоящей работы и распорядком дня:

— Будете переводить на допросах, рабочий день неограниченный. Обычно с девяти утра и до трёх дня. Затем обеденный перерыв до пяти и потом опять до упора — до двенадцати или до двух ночи. Но иногда удаётся освободиться немного раньше, — утешает наш спутник. — Надеюсь, выдержите, вы молодые. Зато, ручаюсь, спать будете крепко. Вот пока, пожалуй, и всё. Отдыхайте после дороги. Остальное скоро узнаете сами.

Наш куратор и впрямь оказался прав. Скоро, очень скоро нам пришлось расширить рамки полученных знаний. В комнате душно, пахнет барачной сыростью и гнилью, освещение — лампочка в потолке без малейших признаков абажура. Удобства, естественно, во дворе, как у меня на родине, в Казани. Скорее выйти на свежий

воздух, а заодно и оглядеться вокруг. Обогнув барак, мы направились в сторону лагеря мимо каких-то сараев. Вдруг ко мне рванулась серая тень. Собака, огромная собака! В ту же секунду в её пасти оказалась пола пиджака. От серьёзных последствий спасла короткая цепь. Ещё несколько сантиметров — и неминуемая больница. Нас не предупредили, что сараи — место отдыха сменившихся с дежурства четвероногих помощников охраны, специально натасканных на людей. Их обучили бросаться на человека молча.

На следующий день инструктаж продолжился. Лагерь особый, режимный. Заключённые — японские офицеры военной разведки, жандармы, каратели, сотрудники бактериологических отрядов. Задача следователей — подготовить на каждого материал для передачи в суд. По возможности также получить от них показания на главных военных преступников, которым предстоит предстать перед готовящимся процессом в Хабаровске. На некоторых заключённых в лагере у следователей более чем исчерпывающий обвинительный материал, но немало и тех, кто пока представляет загадку. Задача — выяснить их подлинные фамилии, места прохождения службы, степень участия в диверсиях, карательных акциях, пытках.

Через несколько дней нас вместе с офицерским составом стали регулярно возить на стрельбище и даже выдали пистолеты. Непонятно зачем — декорации ради? При входе в лагерь оружие полагалось сдавать дежурному в проходной. Что можно сделать с пистолетом против заключённых, в совершенстве владеющих приёмами боевых восточных единоборств? Они, если захотят, шутя отберут оружие и отправят тебя на тот свет голыми руками. Но таких вот случаев нападения на следователей и переводчиков в нашем лагере не было. Хотя, признаюсь, иногда поначалу при общении с пленными поджилки тряслись от страха. Особенно, к примеру, когда приходил в парикмахерскую. Ты вчера вместо следователя сам допрашивал этого мастера, уличал его в убийствах и пытках, а сегодня он в этой крохотной комнатке один на один бреет тебя острой опасной бритвой. Ему всё равно грозит долгий срок. Чуть сильнее нажал — и обидчика нет в живых. Как говорится, семь бед — один ответ.

Вспоминая лагерное прошлое, я сегодня задаюсь чаще одним вопросом. Да, не хватало следователей-профессионалов, и всё же как нам, мальчишкам, студентам, поручали порой самостоятельно проводить допросы военных, прошедших огонь и воду, знавших, что такое смерть, владевших искусством скрывать от других свои служебные и личные тайны? Быть может, кто-то думал, что эти мальчишки сумели досрочно повзрослеть в годы войны и перестали быть несмышлёнышами. А может, просто кто-то верил в чудо или требовалось выполнить ту или иную формальность. Смешно сказать, но порой этим самым несмышлёнышам кое-что удавалось, и потом такие удачи отражались в характеристиках на нас, направляемых лагерным начальством в Москву по линии НКВД. Мы же старались, лезли из кожи вон. От результатов практики подчас зависела дальнейшая судьба. Это были не оценки в своего рода свидетельствах об академических успехах, что привозили в восьмидесятых из Японии сын и дочь.

Постепенно, страница за страницей, перед нами раскрывалась книга лагерной жизни. Скучной, страшной своим однообразием и отсутствием всякой перспективы представлялась она нам, вольным студентам, приехавшим из далёкой Москвы. Заключённые, похоже, были нашими единомышленниками. Им хотелось также, хотя бы немного, разнообразить лагерную рутину. А она со временем становилась всё более нетерпимой. День похож на другой. Можно без труда сказать, что тебя ждёт завтра, через неделю, месяц — и так до суда. Никаких новых впечатлений. Чем же себя занять? Товарищи знают о тебе почти всё, ты о них. Письма из дома не приходят, книг, газет нет. Единственное чтиво — газета на японском языке, издаваемая на Сахалине полковником И. И. Коваленко, ставшим впоследствии главным архитектором советско-японских отношений. Разнообразие вносят только допросы. Чтобы вырваться из этого будничного круга, многие пленные офицеры начали добровольно изъявлять желание работать. Это означало возможность оказаться вне лагеря, в тайге, где строились дороги. Физический труд в лесу на свежем воздухе отвлекает от гнетущих раздумий, укрепляет душу и тело. Некоторые, правда, выходили на работу, поддавшись соблазну сбежать, перейти границу с Китаем. Маньчжурия рядом, там всё знакомо, можно добраться и до Японии в неразберихе послевоенных лет. Сбежать из лагеря невозможно — автоматчики, собаки, колючка. Иное дело в тайге. Конвой невелик — несколько человек, ему не уследить за сотнями заключённых.

Побег обнаруживают, как правило, на перекличке перед возвращением в лагерь. По тревоге вооружённые сотрудники НКВД мчатся на джипах из лагеря к месту работ. По следу пускают собак. Через пару часов беглеца привозят в наручниках. Как уйдёшь от собак без специальных средств. Да и оповещённое население всё равно схватит тебя рано или поздно. В лагере сбежавшего ждёт сравнительно мягкое наказание — карцер и уменьшенный рацион питания.

Признаться, про себя мы искренне возмущались слишком мягким обращением лагерных властей с недавними преступниками, у которых руки по локоть в крови. Население Сучана голодало, пленных же кормили, что называется, на убой. Такого рациона не было даже у конвойных. Избиения, пытки категорически запрещались. Сколько раз во время допросов следователь буквально выходил из себя, казалось, вот-вот не выдержит и ударит. Нет, занесённый кулак с грохотом опускался на письменный стол. Допрашивающий хорошо знал — наказание за физическую расправу неминуемо. Самое малое отстранят от работы, затормозят продвижение по службе, а то и вовсе понизят в звании. Вот бы такие порядки на допросах "врагов народа" в тридцатых, сороковых и даже пятидесятых годах! Причины столь мягкого обращения стали понятны позже. Возвращаясь на родину в середине пятидесятых, многие пленные шли прямо из порта в местные отделения компартии и вступали в члены КПЯ.

А встречи с квантунцами в середине шестидесятых, двадцать лет спустя после войны? Журналистская судьба забросила меня в Саппоро — административную столицу острова Хоккайдо. В дороге не повезло, простудился, пришлось лечь в постель. Вечером в дверь гостиничного номера постучали. Доктор заговорил на английском. Узнав, что я русский и говорю по-японски, долго тряс мою руку и растерянно повторял: "А содес ка!" Потом неожиданно перешёл на русский: "Давно высокая температура? Гарава борит?" Сделав какой-то укол, присел на краешек кровати и стал расспрашивать о жизни в России. Много лет не встречал русских. Добрый человек в очках дедовских времён. Рассказал о себе. Ему 67 лет, служил в Квантунской армии. В 1945-м попал в плен и провёл три года в лагере в Узбекистане. Прощаясь, сказал: "Вы завоевали наши сердца гуманным отношением к бывшим врагам".

Иное дело преступники из Сучанского лагеря. И сейчас, пятьдесят лет спустя, трудно одобрить былую мягкость по отношению к ним. День за днём в ходе допросов вскрывалась страшная цепь преступлений, непосредственными участниками которых они являлись. Вскрывалась не сразу. Многие упорно ни в чём не признавались. И "раскалывались" лишь, когда их припирали к стене фактами. У следователей имелось достаточное количество способов получения необходимой информации. Захваченная в Маньчжурии документация, живые свидетели и, главным образом, агентурная сеть в самом лагере. Многие пленные в обмен на обещание досрочного освобождения и возвращения на родину давали согласие на сотрудничество со следствием. Обычно "стукачей" вызывали на допросы последними, глубокой ночью. Догадывались ли об их роли остальные? Достоверно одно — расправ с ними не было.

Картина же преступлений представлялась действительно ужасной. В роли главных "героев" выступали бактериологи. Но и жандармы, полицейские, каратели также имели на совести много жертв. Жандарм Ватанабе показал на допросе некоторые из "невинных" методов дознания, которые он применял. Заключение заставляли часами сидеть прямо. Или наоборот — ставили к стене, над головой опускали деревянную планку так, чтобы можно стоять только согнувшись. Неплохие результаты давала следующая пытка. Заключение дробили армейским ботинком щиколотку ноги или вставляли между пальцами руки карандаши, связывали пальцы и начинали на них давить. Очень хороший способ узнать правду, говорил подследственный.

Ватанабе, естественно, не рассказал о своём участии в иных, по-настоящему кровавых пытках, расстрелах. Кому захочется добровольно надевать самому себе петлю на шею? И всё же он представлял собой лишь мелкую сошку. Цель следователей Сучанского лагеря строгого режима заключалась в том, чтобы обнаружить скрывающихся под чужими именами главных преступников и их пособников из двух особых отрядов Квантунской армии под номерами 731 и 100, собрать на них материалы для готовящегося хабаровского процесса над главнокомандующим этой армией генералом Отадзо Ямадой и его соратниками. Аналогичные задачи ставились перед советскими офицерами во всех лагерях. К выполнению их привлекли не только самых опытных следователей, но и настоящих знатоков японского языка, таких как Цвиоров, Абалмасов,

Болховитинов, Пляченко, Подпалова и другие. Это были подлинные мастера, которым мы, студенты, негодились в подмётки. Многие из них родились в Харбине в зажиточных семьях, окончили престижные колледжи, где преподавались японский и английский языки. Все они отличались прекрасным воспитанием и любовью к России — родине их родителей. В годы войны некоторые стали агентами нашей разведки, другие во время вступления советских воинских частей в Маньчжурию активно помогали командованию в опознании карателей, полицейских, указывали на склады оружия и техники, работали в качестве переводчиков. Ряд из них впоследствии получили советское гражданство, защитили диссертации, преподавали в МГУ и Московском институте международных отношений. Их привлекали также в качестве переводчиков в ходе переговоров на правительственном уровне. Но тогда, в сороковых, несмотря на очевидные заслуги харбинцев, они не пользовались полным доверием советской контрразведки.

Не помню фамилию очаровательной переводчицы из Харбина, присланной в Сучанский лагерь. В памяти осталось лишь имя — Ира. По-японски она говорила как по-русски, прекрасно знала нашу литературу, историю. Юра Козловский и я не устояли перед её чарами. Мне повезло больше — Ира проявила благосклонность именно ко мне. Через пару недель последовал неожиданный вызов к начальнику лагеря. Капитан завёл разговор о моих отношениях с Ирой. Он проявил определённый такт, но всё же счёл необходимым предупредить о последствиях. "Смотри, не вздумай жениться, — заметил он, — испортишь себе биографию и жизнь". Дней через десять Ира исчезла навсегда из Сучанского лагеря и из нашей с Юрой жизни. Её перевели во Владивосток.

Следствие шло успешно. Было выявлено всё или почти всё об особых отрядах 731 и 100. Генеральный штаб японской армии и главнокомандующий её квантунской группировкой генерал Отадзо Ямада вменяли им в задачу подготовку к широкомасштабной бактериологической войне против Советского Союза и Китая. С этой целью ещё в 1935—1936 годах в 20 километрах от Харбина началось строительство специального городка для отряда 731. К 1939 году на территории городка, помимо казарм, были сооружены завод по производству бактерий чумы, холеры, сибирской язвы, газовой гангрены, брюшного тифа. Оборудование этой фабрики смерти позволяло только за один производственный цикл, длившийся всего несколько дней, получить 30000000 млрд. микробов. Одним из их распространителей должны были стать блохи, которых предполагалось сбрасывать в специальных фарфоровых бомбах на населённые пункты, в местонахождение частей противника. Блохи разводились в специальных инкубаторах. В отряде 731 таких питомников насчитывалось 4500. Производственной и научной деятельностью в городке занимались 3000 специалистов. Среди них имелось немало видных учёных бактериологов, в том числе с мировым именем.

В самой секретной части городка находилась тюрьма, доступ в неё разрешался строго ограниченному числу лиц. Здесь содержались подопытные, или, как их называли, "брёвна" — в основном китайцы и русские. Изредка в камеры доставляли американцев и англичан. Японские бактериологи хотели познакомиться с "особенностями" протекания заболеваний при заражении "англосаксов". В конце войны японское командование разработало план начинать бактериями бомбы на воздушных шарах для налётов на США. Ежегодно в тюрьме в ходе "опытов" умерщвлялось более 600 человек. Готовя интервенцию в советскую Сибирь, японское командование хотело знать, как в условиях суровой русской зимы следует бороться с обмораживанием солдат. С этой целью специалисты из 731-го отряда проводили соответствующие исследования на заключённых специальной тюрьмы. Партии узников по 16 человек в кандалах выводили зимой во двор и заставляли окунать одну или обе руки в чаны с водой. В зависимости от мороза заключённых после такой процедуры держали на холоде от десяти минут до двух часов, а когда наступало обморожение, отводили в лабораторию. В большинстве случаев такие преступные опыты заканчивались гангреной, ампутацией конечностей, а иногда и смертью подопытных.

После вступления Советского Союза в войну с Японией главнокомандующий Квантунской армией генерал Ямада принял 9 августа решение уничтожить городок, завод, спецтюрьму и лаборатории с целью скрыть от мировой общественности варварские планы Токио. Заключённых умерщвляли цианистым калием, отравив пищу. Тех, кто в тот день отказался есть, расстреливали через окошки в дверях камер. Саму

тюрьму взорвали динамитом. Разрушением основного здания и лабораторий занялось специальное подразделение сапёров. Трупы сожгли в ямах, облив нефтью. В 1985 году советское издательство "Юридическая литература" выпустило книгу "Милитаристы на скамье подсудимых", написанную по материалам хабаровского процесса 1949 года. Перелистывая её страницы, разглядывая фотографии того времени, я вспоминал свою встречу с главным обвиняемым генералом Ямадой. Нет, не в Хабаровске в 1949-м, а в 1952 году во Владимирской тюрьме, где отбывали заключение высокопоставленные немецкие и японские военные преступники. Впрочем, как удалось узнать спустя много лет от легендарного генерала КГБ Павла Судоплатова, японские и немецкие генералы были в тюрьме не самыми видными заключёнными. Павел Анатольевич провёл в ней более 10 лет. Главный террорист и диверсант СССР (так его окрестили на Западе) был на самом деле выдающимся советским разведчиком, который верно служил Родине всю свою жизнь, выполнял личные поручения Сталина, а в годы войны был одним из руководителей диверсионной деятельности и партизанской борьбы в немецком тылу. Немалый вклад он внёс и в так называемый советский атомный шпионаж в Америке. За заслуги его наградили многими высшими орденами. Однако это не спасло его от тюрьмы. По сфабрикованному обвинению в пособничестве Берии генерала в начале пятидесятых бросили сначала в Лефортово, а затем и во Владимирку. Реабилитация к освобождённому после отбытия срока пришла лишь в 1991 году. Военная прокуратура доказала полную несостоятельность всех обвинений, выдвинутых против Судоплатова.

Владимирская тюрьма являлась местом заключения многих представителей советской элиты. Здесь отбывали срок видные советские разведчики, общественные деятели, академики, сын Сталина Василий. Режим во Владимирке отличался относительной строгостью. Подъём в шесть утра, скудную еду разносили по камерам и передавали через маленькое окошко в тяжёлой металлической двери. Днём можно было только сидеть на стуле, привинченном к цементному полу, — лежать на кровати не разрешалось. Во избежание нарушения правил она поднималась к стене и запиралась на замок. Прогулка продолжительностью около сорока пяти минут происходила в присутствии охраны в маленьком дворике, площадью не более 20 метров. Отбой следовал в десять вечера, но свет не тушили всю ночь.

Но у пленных генералов условия казались значительно лучшими. Я видел, что эсэсовцы находились в отличной физической форме. Им разрешалось копать в земле, разводить цветы в клумбах. Отадзо Ямаде, как и его немецким коллегам, предстояло провести за решёткой 25 лет. Ямада, бывший командующий армией, в отличие от эсэсовцев выглядел вконец сломленным. Бледный, поникший маленький человечек, от одного слова которого ещё недавно зависели судьбы полумиллиона японских солдат, часами понуро сидел или лежал в камере на железной койке, застланной видавшим виды солдатским одеялом. Кровать в качестве поблажки не поднимали к стене. От гнетущих мыслей генерала, видимо, не спасало и общество его адъютанта, которого тюремное начальство поселило вместе с ним в камере.

Вечерами, перед тем как лечь спать, Ямада подолгу рассматривал старые пожелтевшие фотографии членов семьи, прикреплённые каким-то чудом над тюремной койкой к сырой стене. Молодая ещё жена, в кимоно, маленькие дети. Как они выглядят сейчас? Он не видел их много лет, и вряд ли ему суждено с ними встретиться в этой жизни. Впереди почти четверть века заключения, а ему в советской тюрьме уже стукнуло 70. Я спросил генерала, почему вечерами он придерживается этого ритуала. Помолчав немного, он нехотя ответил: "Это часто помогает их видеть во сне, разговаривать с ними". По молодости и атеистическому воспитанию я не поверил в возможность такого. Двадцать лет спустя, когда по представлению КГБ меня вывезли вместе с семьёй из Австралии и лишили права работать по специальности, мне стало ясно — не покривил душой тогда в тюрьме престарелый заключённый. В течение пяти лет, пока советская контрразведка не приняла другого решения, мне, как и генералу, с поправкой на ситуацию, снился один и тот же сон каждую ночь: "политическое доверие" возвращено, и я снова работаю как журналист-международник. Психика человека поистине таит ещё немало загадок.

В 1952 году Отадзо Ямада навестили в тюрьме члены первой японской парламентской делегации, в числе которых был молодой, энергичный, бывший морской офицер, а ныне политический деятель Ясухиро Накасоне. Оставив нас, сопровождающих, за

дверью, гости долго разговаривали с заключённым. О чём? Нам так и не удалось узнать. Видимо, не во всех камерах устанавливалась подслушивающая аппаратура. Вряд ли гости сочли возможным заверить Ямаду в скором досрочном освобождении. Политические отношения побеждённой Японии с Москвой представлялись далеко не простыми. Да и человеку вообще не дано предвидеть будущее. Разве можно было тогда представить, что через четыре года, после нормализации японо-советских отношений, осуждённый военный преступник вернётся на родину, а молодой парламентарий Накасоне займёт со временем кресло премьер-министра страны.

...Слава богу, пять лет учёбы остаются позади. В синей книжке-дипломе чёрным по белому значиться: страновед по Японии, референт-переводчик со знанием японского и английского языков. Пройден первый трудный этап московской жизни. Впереди не менее сложная задача — устроиться на работу и, главное, хотя бы временно найти жильё, прописаться в столице. Москва город режимный, власти заставляют иногородних выпускников возвращаться туда, где они проживали до окончания вузов. Но кому в Казани нужен молодой специалист по Японии?

Как в Москве вербовали иностранцев

На институтской комиссии по распределению молодых специалистов предлагают самые разные варианты. Больше всего везёт фронтовикам и членам КПСС. Для них, несмотря на тройки по языку, открыта дорога в Международный отдел ЦК КПСС, КГБ, МИД. Для остальных выбор меньше — радио, аспирантура, библиотеки и даже средние школы, где, забыв чему учился пять лет, предстоит преподавать английский язык. Мной заинтересовалась правительственная газета "Известия". Неужели суждено стать журналистом? После встречи с заведующим кадрами газеты от предложения пришлось отказаться — редакция не обеспечивала жильём. Не устроили и неизбежные ночные бдения в газете, когда одни журналисты вместе с метранпажами верстали в цеху номер, другие выискивали опечатки, бегали с пахнущими типографской краской газетными полосами по редакторским кабинетам. И за всё это заработная плата в 900 рублей — немногим больше стипендии в институте. Кто мог знать, что мне всё же через 12 лет суждено вернуться в "Известия" и поехать корреспондентом в Японию?

Второе предложение последовало по телефону из отдела кадров Генерального штаба Советской Армии. Оно считалось почётным. Война закончилась недавно, и авторитет Вооружённых Сил ещё далеко не померк. Мне сообщили номер телефона и дали на раздумье несколько дней. Видимо, сработала студенческая практика в лагере. Специальное обучение, работа в военной разведке, с каждым положенным сроком новые звёзды на погонах — всё это рисовалось заманчивой перспективой. Победил всё-таки здравый смысл. Ну какой из меня разведчик?! Кинофильмы, книги говорили, что это люди особого склада, герои. Смогу ли я стать таким же? Пожалуй, нет. Только подведу и тех, кто в меня поверил, и, конечно же, самого себя. Выгонят, уволят из армии. Опыт ряда моих институтских учителей показывал — незавидная это перспектива! Через неделю я позвонил и отказался от предложения кадровиков. Тут уж институтская комиссия, как говорится, умыла руки. Действуй сам! Пришлось побегать по многим ведомствам и учреждениям. Безрезультатно, никто не хотел принимать на работу иногороднего, да ещё без знакомств, телефонных рекомендаций и жилья. Но в конце концов счастье улыбнулось. Воистину, как звучали слова популярной песни, "кто ищет, тот всегда найдёт"! Взяли в Международный отдел ВЦСПС — штаб-квартиру всех советских профсоюзов. Руководство отдела поручило работу, большей частью не связанную с Японией и моей специальностью, — наладить выпуск еженедельного радиожурнала "Говорят советские профсоюзы". Его предстоит передавать на основных языках мира на зарубежные страны. Задача — пропагандировать преимущества и социальные достижения советской системы и, конечно, заботу профсоюзов о человеке труда.

Итак, всё-таки журналистика и пропаганда. Мой шеф — бывший военный журналист и, как говорили, дипломат, Савва Артемьевич Дангулов, умный, широко образованный человек. Мы никогда не пытались узнать, за что его уволили из министерства иностранных дел и "списали" в профсоюзы. Но одно казалось очевидным: дипломатическое ведомство и его руководитель Андрей Януарьевич Вышинский, главный государственный обвинитель на политических процессах "врагов народа" в тридцатые годы, лишились талантливого специалиста. Савва Артемьевич, к сожалению, проработал с нами короткое время. Он сменил служебный кабинет профсоюзного функционера на писательское кресло и впоследствии стал автором целой серии романов.

Перед сотрудниками Международного отдела ВЦСПС ставилась ещё одна, по сути основная, задача: вести пропагандистскую работу среди иностранных делегаций. Здесь в качестве куратора всех тридцати молодых международных выступал полковник КГБ Степан Гаврилович Корнеев. Высокий, холёный, красивый, всегда со вкусом и по последней моде одетый, он не спешил расправляться с нами, когда мы допускали ошибки в работе с иностранцами. В задачу опытного контрразведчика входило выявление агентов западных спецслужб, засылаемых к нам в составе делегаций, и вербовка профсоюзных деятелей во время пребывания в СССР. Нам, переводчикам, поручалось информировать его о настроениях всех делегатов, с которыми приходилось работать. Ежедневно поздно ночью после возвращения из московских театров мы сидели в гостиничных "штабных" номерах и вели протокольную запись всех высказываний делегатов за день. Наутро все наши творения пересылались Степану

Гавриловичу. На основе их он, видимо, делал необходимые выводы о возможности вербовки того или иного делегата.

Помню, как пришлось и мне принять участие в такой вербовке вместе с кадровым контрразведчиком в гостинице Москва, где остановилась делегация японского профсоюза учителей — мощной и влиятельной организации в своей стране. Объектом стал один из её опытных немолодых функционеров. Он не уставал восторженно отзываться об увиденном в Советском Союзе. Но когда его решили завербовать, почувствовал это и дал слабину — стремился быть всегда вместе с друзьями, уклонялся от встреч наедине. И всё-таки, в конце концов, его буквально затащили в особый гостиничный номер, где офицер КГБ сумел уговорить "перспективного кандидата" дать согласие на сотрудничество с советской разведкой в Японии. Его попросили также расписаться на одной из наших визитных карточек — опознавательном знаке, который предъявит ему позднее в Японии сотрудник нашего посольства. Мне по-человечески было жалко новую жертву. Ведь у этого учителя жена, дети. Но потом я перестал переживать за него. Выяснилось, что в Японии больше не было закона об охране государственной тайны и тем, кто сотрудничал с иностранными разведками, после войны не грозила тюрьма.

Вербовка вербовкой, но главное было втереть очки иностранным гостям, заставить поверить, что только советская система способна обеспечить заветный рай для трудящихся. Такую задачу ставила перед нами более высокая, чем КГБ, инстанция — Центральный Комитет партии, точнее, сектор профсоюзов и других массовых организаций. Возглавлял его старый партocrat по фамилии Шумейко. Ох, нелёгкое это было дело! Но на выполнение такого задания бросалось всё — от огромных финансовых средств до высокого искусства одурачивания иностранцев, в подлинных кудесников которого со временем превратили и нас. Денежные ограничения на обслуживание гостей практически не существовали. Лучшие гостиницы, рестораны, театры, краткий отдых в сочинских санаториях. И, естественно, гастрономическое изобилие. Ежедневно на делегатском столе присутствовали чёрная икра, лучшие блюда кулинаров и поваров, шампанское, дорогие редкие вина и коньяки от десяти до пятнадцати лет выдержки. Делегаты возвращались домой после двух-трёх недель с убеждением: Советский Союз для рабочих — обетованная земля.

Нелёгкое это дело быть специалистом по одурачиванию зарубежных гостей. Правда, нам на помощь приходила заранее тщательно разработанная система. Скажем, предстояло посетить завод, шахту, где условия труда и техника далеки от передовых. В этом случае упор делался на социальную сторону заботы профсоюзов о своих членах — посещении поликлиник, дворцов культуры, квартир, где на деньги администрации и профкома заранее накрывался сказочно изобильный стол. И всё-таки сбои в налаженной системе случались. Запомнилось посещение в пятидесятых подмосковного угольного бассейна. Не советую тем, кто далёк от профессии горняка, спускаться в шахту. Тебя одевают в брезентовую робу, водружают на голову каску, а затем сажают в клеть — жалкое подобие лифта. Глубоко под землёй куда-то долго ведут. Сначала идёшь в полный рост, стараясь не замечать воды, её тяжёлые капли падают на тебя сверху. Потом сгибаешься в три погибели и вползаешь в забой, где шахтёр "рубает" уголь. Первая мысль наверху — слава богу, остался жив. И тут тебе предлагают познакомиться с условиями жизни шахтёров.

Как-то нас привезли в новый шахтёрский посёлок, машина остановилась возле современного кирпичного дома. Зная закулисную кухню, спрашиваю сопровождающего: в какую квартиру можно зайти? Он, по-видимому новичок, отвечает: в любую. Мы позвонили в дверь на первом этаже. Нам открыла старая, в лохмотья одетая женщина. Стало ясно — ошибка. Но куда деваться, сзади напирают делегаты. Вошли. Нищенская обстановка, плачущий маленький ребёнок. Чтобы разрядить атмосферу, член делегации, коммунист, задал традиционный вопрос: как живётся? Видно, он рассчитывал на положительный ответ. Хозяйка квартиры не сочла нужным лгать. "Разве вы не видите? — зарыдала она, разорвав кофту и обнажив сморщенную грудь. — Сын погиб в шахте, остался ребёнок, пенсия по потере кормильца — гроши. Мы умираем от голода!"

Я не стал переводить буквально. Пришлось неуклюже импровизировать на ходу: "Зачем вы меня обижаете? Если я затеяла ремонт и вывезла мебель, то это не значит, что мы плохо живём!"

Делегаты сделали вид, что их удовлетворила фальшивка. Тем более что в другой заранее подготовленной квартире на втором этаже их ждали чудесная молодая хозяйка и обильный стол с коньяком и водкой. С тех пор прошло свыше сорока лет, но старая женщина до сих пор, как живая, стоит перед глазами. Оправдываю себя тем, что в той обстановке нельзя было поступить иначе: выбросили бы с работы на следующий день за "отсутствие политической бдительности". А несчастная старая женщина? Ей всё равно не помог бы никто. Мизерная пенсия по потере кормильца устанавливалась законом.

Сталин и Вышинский вблизи

Курьёзные и опасные случаи? Их хватает в переводческой работе. Позднее, в конце пятидесятых, меня пригласили переводить Нину Петровну, жену Никиты Сергеевича Хрущёва. Первому лицу в государстве в то время исполнилось семьдесят. Зарубежная печать полнилась слухами о плохом состоянии его здоровья и предстоящей отставке. Японская женская делегация, которую принимала Нина Петровна, состояла из искушённых в политике общественных деятельниц. Им, конечно, не терпелось узнать о том, что ждёт нашу страну в самом ближайшем будущем. После обычных вопросов глава делегации задала неожиданно главный: "Как здоровье Никиты Сергеевича?" Нина Петровна не разглядела подвоха.

— Ох, не спрашивайте, плох, очень плох. На работе очень устаёт, ничего не успевает. Вынужден привозить на дачу секретные бумаги и пытается работать, сидя на лужайке. А глаза уже ничего не видят. Приходится просить внуков читать документы вслух. Попробуй перевести буквально. В тот же день информацию о плохом состоянии здоровья Хрущёва подхватит вся зарубежная пресса, ссылаясь уже не на слухи, а на достоверные сведения из самой семьи главы партии и государства. Кто в таких случаях виноват? Переводчик, отнюдь не жена Хрущёва. Неправильно понял, искажил смысл сказанного. Возможно, намеренно. Наказание — "за можай". Помог опыт пропагандистской работы. Перевод пришлось сделать вольно, но с возможным приближением к сказанному. "Никита Сергеевич? На работе очень устаёт, не успевает справиться со всеми документами. Вынужден привозить их вечерами на дачу и допоздна работать, сидя в кресле на лужайке в окружении внуков. На здоровье пока не жалуется".

А случай с Накасоне, членом всё той же первой парламентской делегации из Японии, прибывшей в СССР по приглашению Всесоюзного общества культурных связей с заграницей? Учитывая опыт работы, мне поручили сопровождать эту делегацию, отвечать за её обслуживание. В помощь придали двух квалифицированных японистов из КГБ, Кошкина и Уварова. Несмотря на молодость, это были толковые контрразведчики.

Как-то в восемь утра я пришёл, как обычно, в гостиницу "Советская", где остановилась делегация. Стоило подняться на этаж, как горничная тут же ошарашила новостью: — Ваш делегат Накасоне арестован и находится в отделении милиции! Освободить его из КПЗ пришлось уже не мне, а сотрудникам комитета. Потом выяснилось, что поводом для задержания послужил пустяковый, по нынешним временам, случай. Накасоне любил фотографировать. Рано утром он вышел из гостиницы и принялся снимать развалюхи деревянных домов. Скоро это ему надоело, и он решил направиться дальше. Возле станции метро "Динамо" попалось стоящее здание — удивительно красивый старинный дворец. Ничего подобного в Японии не встретить. Делегат снова взялся за камеру. Не успел он сделать и двух снимков, как кто-то положил ему руку на плечо. Этот кто-то и доставил Накасоне в отделение милиции. Дворец оказался Военно-воздушной академией имени Жуковского. К девяти утра "японского шпиона" привезли обратно в гостиницу. Делегация, что называется, стояла на ушах в связи с незаконным задержанием члена парламента, да ещё с дипломатическим паспортом. Оставалось только гадать, как всё это скажется на мне, ответственном за работу с делегацией. Не здесь, в гостинице, не в ВОКСе и не в ВЦСПС, а через пару часов в министерстве иностранных дел СССР, где высоких японских гостей ожидала встреча с заместителем премьера и министром иностранных дел А. Я. Вышинским.

Об Андрее Януарьевиче известно было немало. Много по памяти, когда до войны он в 1935—1939 годы на посту прокурора СССР дирижировал судебными процессами над бывшими соратниками Ленина и Сталина, объявленными "врагами народа". Другое шёпотом рассказывали товарищи, чьи отцы и родственники занимали высокие посты. В феврале 1917 года, будучи меньшевиком и главой Якиманской районной управы Петрограда, он подписал распоряжение о неукоснительном выполнении на вверенной ему территории приказа Временного правительства о розыске, аресте и предании суду, как немецкого шпиона, В. И. Ленина. Но уже в 1920 году Андрей Януарьевич вступил в члены РКП(б), а несколько позже, выпустив ряд книг, зарекомендовал себя как талантливый юрист.

Задолго до приёма меня доставили в МИД к заведующему Дальневосточным отделом. И тут же огорошили новостью: вам придётся переводить. Попытки уйти от такой "чести" ни к чему не привели. Было непонятно: почему сами мидовцы отказываются переводить своего министра. Тем более что среди них имелись такие сотрудники, как Адерхаев, проработавший семь лет в Токио и почти в совершенстве знавший язык. Да и чисто внешне он выглядел настоящим японцем. А тут переводчик-мальчишка, всего пару лет назад закончивший институт! Причина выяснилась позднее. В небольшом зале приёмов две пожилые женщины, по японским понятиям бабули, лихорадочно накрывали на стол. Процедурой руководил сам министр.

— Что вы делаете, как расставляете бутылки? — слышался раздражённый голос. — Сколько раз вас надо учить, в каком порядке раскладывать ножи, вилки и ложки! В зале царил нервная атмосфера. Подумалось: ну, Боря, тебе хана! Молись, чтобы не выгнали с работы. Увиденное говорило само за себя: министр невыдержан, груб и, скорее всего, беспощаден.

Заведующий отделом представил меня Вышинскому и поспешил заверить в хорошем знании языка.

— Справитесь? — строго глядя, спросил министр.

— Попробую, Андрей Януарьевич.

Отказываться было поздно. Несколько лет спустя мне довелось переводить Никиту Сергеевича Хрущёва. Боже, работать с ним представлялось удовольствием! Простой язык без словесных выкрутасов и никакого страха за свою дальнейшую судьбу после возвращения из кремлёвского, кстати не очень большого, кабинета. Андрей Януарьевич оставлял впечатление человека совершенно иного склада. Это был по-настоящему блестящий, высокоэрудированный собеседник, без конца сыпавший остротами, латинскими изречениями, французскими пословицами. Сменивший его впоследствии на посту министра А. А. Громыко, с которым не раз приходилось встречаться на пресс-конференциях, освещать его зарубежные поездки, как и Хрущёв, не шёл с Вышинским ни в какое сравнение. Косноязычный середняк-аппаратчик, подобно другим членам политбюро, неспособный без бумажки грамотно выразить мысль.

Входя в зал, делегаты видимо волновались. Один из министров победившей страны! Возможно, поэтому кто-то не смог придумать ничего лучшего, как задать уже престарелому Вышинскому, с его точки зрения, не совсем тактичный вопрос:

— Сколько вам лет? Как вы себя чувствуете?

В глазах хозяина промелькнула тень недовольства.

— Вы же знаете французскую поговорку: "Женщине столько лет, на сколько она выглядит. А мужчина до тех пор молод, пока он может."

И тут же быстрый взгляд в мою сторону — проверка, справлюсь ли с переводом.

"Может" — что? Японцы в то время не знали французских пословиц, да и чувством юмора не были достаточно одарены. Пришлось растолковывать гостям, что мужчина "может". На лицах появилось подобие вежливых улыбок. Через сорок минут меня прервал Адерхаев:

— Андрей Януарьевич, допущена ошибка...

— Поправьте, — недовольно сказал министр.

Через полчаса история повторилась. Вышинский строго посмотрел в мою сторону. Перед ним навтыяжку стоял за столом тощий небольшого роста мальчишка, с лица которого падал пот.

— Что, устали?

— Устал, Андрей Януарьевич.

— Давайте переводите вы, — последовало указание Адерхаеву.

Я сел и возблагодарил Бога. Слава тебе, Господи, уцелел!

Переводчики — всего-навсего крошечные винтики, статисты. Но известно, что одни главные герои не в состоянии сыграть сколько-нибудь крупный спектакль, тем более политический. Нам приходилось часто видеть вблизи героев того времени — Сталина, Молотова, Маленкова, Берию. Во время парадов и демонстраций они находились на Мавзолее рядом с трибунами для советской элиты и немногочисленных тогда иностранных гостей. На приёмах в Кремле руководители партии и правительства, бывало, беседовали с зарубежными делегатами, и тут опять за спиной стояли охрана и мы. Не стану фантазировать на тему, как выглядел тот или иной член политбюро, как

он вёл себя во время беседы. В ходе подобных встреч не до разглядывания и анализа поведения. Ты озабочен другим — точностью перевода и сознанием ответственности, помноженном на чувство безотчётного страха. Зато подробнее можно рассказать о целях тех политических спектаклей, кульминация которых приходилась на приёмы в Кремле. Легко представить себе состояние японского профсоюзного функционера. На родине ему и близко не подойти к премьер-министру, никто не подумает пригласить его на правительственный приём. А тут рядом Сталин, другие известные миру советские деятели. В голове невольно складывается убеждение: у советских профсоюзов огромные права, с ними считаются руководители страны.

...Рядом Сталин. Встречи, пусть краткие и редкие, оставляли огромное впечатление у всех, кто его видел. Мне запомнился он как небольшого роста человек с серым, рябым лицом и согнутой рукой. Отнюдь не такой, каким он представлялся в фильме "Падение Берлина", на многочисленных картинах и портретах художников. Но всё равно мы чувствовали себя как бы в состоянии гипноза. В наших глазах это был гений, равных которому мир не знал после Ленина. Мы были преданы ему, часто в общезнании международных ВЦСПС на Арбате рассуждали на тему, что будет со страной и народом, если Сталину в силу возраста доведётся уйти, не дай бог, из жизни. Все его соратники, члены политбюро, несмотря на то, что их портреты висели повсюду, а их именами назывались города, улицы, пароходы, колхозы, казались не стоящими и мизинца великого вождя.

Помню хмурый весенний день 1953 года. Мы в то утро только проснулись. Кто-то включил радио, и вдруг нас словно обухом огорошила весть: умер Сталин! Как умер? Не может быть! Как нам жить без него? В нашей комнате общезнания плакали молодые её обитатели. Потом, по пути в Колонный зал, мы увидели, как плакали, гибли в давке, пытаюсь проститься с вождём, десятки тысяч москвичей. Это было подлинное народное горе.

После смерти вождя многие из унаследовавших власть пытались и пытаются в духе времени откреститься от Сталина, обвинить его, как и целую эпоху страны, во всех, даже несвойственных ей, грехах. Думаю, неплохо им порой вспоминать мудрый поступок Господа, когда на провокационный вопрос, нужно ли забить камнями женщину, изменившую мужу, он нашёл единственный правильный ответ: пусть первым бросит камень тот, кто без греха. И сделать это нелегко всем последующим руководителям страны. Правда, их грехи видоизменились. Они уже подобно быломu вождю не отправляли на плаху и в лагеря миллионы невинных людей, но от этого вред, причинённый народу, не выглядит меньшим. Взять, к примеру, тех же Горбачёва и Ельцина. Кто, как не они, развалили создаваемую веками великую державу? Кто, как не они, разрушили социалистический лагерь, предав интересы, не говоря о других, собственного народа, оставив его в одиночестве перед внешней угрозой? Кто, как не они, обрекли народ на жизнь ниже черты бедности, на жизнь в стране, где смертность превышает рождаемость? Это ли не есть самый настоящий геноцид? Беспристрастную, объективную оценку сталинской эпохе ещё предстоит дать истории.

Каким представляется мне Сталин сегодня? Каждый раз, когда спустя полвека думаю о нём, перед глазами возникает памятник на могиле его преемника на партийном посту — Никиты Сергеевича Хрущёва. Скульптор памятника Эрнст Неизвестный изобразил былого лидера в двух цветах, белом и чёрном. Неизмеримо масштабнее, ярче, разительнее были свойственны эти цвета как самому Сталину, так и его эпохе. В причинах преступлений, в характере умершего вождя стремились разобраться в конце двадцатого века не только руководители государства, люди, знавшие его лично, но и историки, политологи и даже крупнейшие медицинские специалисты. Заключению последних, надо думать, в силу профессии и клятвы Гиппократата, можно больше доверять, чем, скажем, политикам. Известно, что последние часто рассматривают историю через призму нынешней политической конъюнктуры, руководствуясь понятным соображением: свалить сегодняшнюю собственную вину на прошлое. Как забыть "круглый стол" в "Литературной газете" в августе 1989 года? В нём тогда приняли участие светила советской медицины — академики, доктора наук, профессора, — чьи имена хорошо знакомы за рубежами страны. Речь шла о Сталине. Тема дискуссии выглядела актуально: насколько правилен диагноз "паранойя", поставленный Сталину выдающимся невропатологом Бехтеревым при медицинской консультации в 1927 году? Участники диспута пришли к единодушному заключению:

вождь страдал признаками психического заболевания. Но насколько оно было серьёзным, в этом светила науки не смогли прийти к единому мнению. Психиатр О. Виленский доказывал, что такие черты Сталина, как замкнутость, необычайная подозрительность, крайне своеобразное мышление, при котором любые реальные факты игнорировались или подчинялись его собственным идеям, грандиозные мании величия и преследования с периодическими обострениями, многомиллионные жертвы, которые Сталин приносил с исключительной лёгкостью ради утоления собственного бреда и страха перед "врагами", — всё это укладывается в схему "параноидной шизофрении". В то же время учёный утверждал: "Будучи одержимым бредовыми идеями величия и преследования, Сталин чётко ориентировался в окружающем и отлично понимал, что он совершает невиданное в мировой истории нарушение законов и моральных норм, что миллионы рядовых граждан, уничтоженных по его приказу, ни в чём не повинны, а дела их сфабрикованы. Поэтому, если допустить, хотя бы теоретически, возможность судебно-психиатрической экспертизы Сталина, то, несмотря на диагноз психического заболевания, он, я уверен, был бы признан вменяемым и должен был бы нести ответственность за свои преступления".

Внучка В. М. Бехтерева, академик Н. Бехтерева, заявила на "круглом столе": "Я не считаю, что Сталин был душевнобольным такого рода, который не ответствен за свои поступки. Правда, его поступки выходили за рамки поведения нормального человека. Мне кажется, что Сталин всё время жил свежценными идеями. Он действительно был очень подозрителен. Подозрителен до такой степени, что любое слово, любой взгляд могли обернуться смертным приговором. Говорят, что поведение Сталина было разумным. Но разумным ли было уничтожение не только интеллигенции, но и военной верхушки непосредственно перед войной? Разве разумной была непоколебимая уверенность, что Гитлер не нападёт на нас? Люди докладывают, что война будет завтра-послезавтра, а их не слушают, им грозят расстрелом и расстреливают. И получается: к огромному числу людей, погубленных в конце двадцатых — начале тридцатых при раскулачивании в деревнях, в тридцатые и послевоенные годы, мы ещё должны прибавить многих погибших во время войны. Ведь военные потери могли быть гораздо меньше, а может быть, и самой войны не было бы".

Другие светила психиатрии выносили Сталину более мягкий приговор: не шизофреник и параноик, а "негармоничная личность". В психиатрии такие личности относятся к психопатическим. Их неотъемлемые свойства обострённая подозрительность, преобладающая идея о своём особом значении, особой миссии, крайний эгоизм, чрезмерное самомнение, односторонность в оценках, нетерпимость к чужому мнению, злопамятная обидчивость.

Чрезмерное самомнение, жестокость — эти качества Сталина ярко высвечиваются не только в медицинских заключениях психиатров. Немало свидетельств тому можно найти даже в личной библиотеке вождя. Первый муж Светланы Сталиной, Морозов, которому всесильный тесть разрешил пользоваться своей библиотекой в Кремле, рассказывал мне, что он нередко встречал на полях книг самые различные замечания, сделанные его рукой. Они говорили о том, что Сталин не просто просматривал двадцать тысяч книг, стоявших на полках, а читал их самым внимательным образом с карандашом в руках. И не только их. У него хватало времени и сил следить за периодикой, новинками художественной литературы, читать работы по военным вопросам, архитектуре и медицине. По его заказам ему ежегодно доставляли 500 книг. Сам Сталин отмечал, что прочитывает ежедневно до 500 страниц книг и журналов. Известный историк Рой Медведев писал, что у Сталина была очень хорошая память и он обладал редкой способностью читать книги как бы целыми страницами. Такой способностью обладали до него Ленин, а после Андропов.

Морозов в разговоре со мной не вдавался в подробности о характере пометок вождя. Это сделали другие, кому разрешили ознакомиться с библиотекой в восьмидесятые годы, — Рой Медведев, профессор Леонид Спиринов, генерал-полковник Дмитрий Волгогонов. Вождь нередко спорил с классиками марксизма, к примеру с Энгельсом. На полях работ одного из основоположников марксизма можно встретить и такие сталинские заметки: "Смутновато", "Нет, неверно". На полях книг К. Каутского можно встретить не только пометки "ха-ха!", "хе-хе!", но и слова "дурак", "сволочь", "подлец и сволочь". На форзаце книги Ленина "Материализм и эмпириокритицизм" Сталин оставил любопытную запись, говорящую о его понимании порока и добродетели: "1)

слабость, 2) лень, 3) глупость — единственно, что может быть названо пороками. Всё остальное при отсутствии вышеуказанного составляет несомненно добродетель!" Как известно, вождь не обладал такими пороками. Ну а другие свои качества — жестокость, подозрительность, чрезмерную убежденность в гениальности — он считал, вероятно, не пороком, а добродетелью. Приведу, пожалуй, ещё одну сталинскую цитату, которая наглядно свидетельствует о главном принципе его мировоззрения. В кремлёвской библиотеке на полях одного из словарей против изречения, говорящего о любви народа к хорошему правителю, Сталин написал: "Лучше пусть боятся, чем любят".

Итак, кто он, Иосиф Виссарионович Сталин? Его выдающиеся современники Рузвельт и Черчилль снимали перед ним шляпу. Троцкий называл вождя "гениальной посредственностью". Политические деятели последующих лет объявили его преступником, врачи-психиатры — душевнобольным. Нам, его молодым современникам, он представлялся в то время великим вождём. Кто прав? Окончательный приговор суждено вынести истории. Не исключено, что, забыв о преступлениях Сталина, она назовёт его положительной, гениальной личностью XX века. Проявила же она мягкость в оценках Ивана Грозного и Петра Великого, чьи руки тоже по локоть в народной крови. А последний император России Николай II? Сколько средств затратила нищая ельцинская Россия на розыски его захоронения и увековечения памяти монарха! А церковь вообще причислила его к лику святых! В этом плане представляет определённый интерес заявление участника "круглого стола" психиатра О. Виленского: "Мне приходилось встречать больных, если так можно выразиться, сталинского типа. Например, главный врач больницы. У него настоящие бредовые идеи — его постоянно отравляют, на него покушаются, он прячется. Между тем больницей руководит. Руководит жёстко. Всех "давит", ото всех требует. Больница строится, развивается. С одной стороны, бред, сумасшествие, но с точки зрения дела он проявляет себя даже лучше, чем нормальный человек. Может быть, чтобы стать удачливым диктатором, в некоторых случаях даже стоит быть душевнобольным?"

Все раздумья на эту тему были чужды для нас, комсомольцев, членов партии пятидесятых годов. На отведённых судьбой служебных постах в "школе коммунизма" ВЦСПС — мы считали своей основной задачей вносить вклад в политическую обработку иностранных делегатов, способствовать их "прозрению" — появлению у них убеждения в неоспоримых преимуществах советского строя. Кирпичики в фундамент такого убеждения мы закладывали в повседневной работе. Тут пальма первенства, безусловно, принадлежала нам. Мы, как заботливые садовники, ежедневно пестуем первые, пусть ещё хилые, ростки этого прозрения. Проводим долгие дискуссии, организуем встречи с профсоюзным активом, рабочими. К этому побуждают служебные обязанности, чувство патриотизма, гордости за свою победившую в войне Родину. Спектакли хорошо отрепетированы, не раз прокатаны. И результат был обычно тот, который нужен. Гости разной политической ориентации уезжают на родину почти одинаково причёсанными — с решимостью рассказать "правду о Советском Союзе", разоблачить "ложь американских профлидеров из АФТ и КПП" о советской политической системе и бесправии профсоюзов в стране.

Бегство офицера разведки

Международному отделу ВЦСПС удаётся, в частности, завязать самые тесные отношения с руководством Генерального Совета профсоюзов Японии — многомиллионным объединением социал-демократической ориентации, способным в нужный момент резко дестабилизировать экономическую и политическую обстановку в стране. Для усиления советского влияния в профсоюзах Японии ЦК КПСС и КГБ принимают необходимые меры, в том числе решение направить в страну на работу специального сотрудника.

В мой маленький служебный кабинет вошёл однажды худой, подтянутый молодой человек. Приятно улыбнувшись, представился:

— Растворов, сотрудник МИД. Мне предстоит поехать в Японию и заняться там профсоюзным движением. Не смогли бы вы ознакомить меня с вашими справками о состоянии профсоюзного движения в стране? Руководство вашего отдела дало добро. Подумалось: вот кому повезло! Я тут же пошёл за железную дверь в "спецхран" и принёс имевшиеся там документы. Гость засел на несколько дней за их изучение. Вскоре он улетел в Токио. Изредка мы начали получать из Японии различные материалы: записи бесед с профсоюзными руководителями, предложения о приглашении делегаций, короткие справки со знакомой подписью "Растворов". Всякий раз его послания по дипломатическим каналам вызывали чувство удовлетворения. Наконец прекратилась работа вслепую!

Радость продолжалась недолго. Растворов исчез из нашего поля зрения. "Что случилось?" — гадали мы. Завесу приоткрыла иностранная пресса: советский дипломат попросил предоставить ему политическое убежище в США. О подлинных мотивах бегства Растворова, скорее всего, знали только ЦРУ и советская разведка. Нам же приходилось довольствоваться слухами: переметнулся к американцам, испугавшись репрессий после ареста Берии. Второй вариант: американцы подсунили ему красивую женщину и стали шантажировать. В любом случае бегство Растворова представлялось значительной и успешной акцией ЦРУ против советского посольства на Японских островах в пятидесятые годы.

Сотрудники КГБ заверяли нас: перебежчику никуда не деться, его разыщут, как бы американцы ни прятали, и он получит своё. Видимо, Растворова так и не разыскали — то ли потому, что хорошо его спрятали, то ли потому, что сочли мелкой сошкой для проведения специальной террористической операции КГБ. Да и кому было организовывать убийство изменника? Генерал-лейтенант Павел Судоплатов, легендарный руководитель отдела, занимавшегося, в частности, физической ликвидацией перебежчиков, сам был арестован и брошен в тюрьму КГБ по обвинению в сговоре с Лаврентием Берией.

Бегство Растворова и поднятая в японской прессе антисоветская шумиха не смогли перечеркнуть наши добрые отношения с Генеральным Советом профсоюзов. Слишком прочный фундамент подвели под них руководство ВЦСПС и его международный отдел. К тому времени в СССР побывали десятки делегаций крупнейших профсоюзных организаций Японии и лидеры генсовета — Каору Ота и Акира Иваи. На Советский Союз работала и негибкая тактика профсоюзов США. Ни в коей мере не претендуя на роль Сократа в политике, хочу сказать, что АФТ и КПП руководствовались ошибочной линией официального Вашингтона — "кто не с нами, тот против нас". С мощными левыми профсоюзными объединениями не пытались работать, обрекая их на контакты с Москвой.

Так было в Японии с Генеральным Советом профсоюзов, так было в Индии с Индирой Ганди. Так было и с Советским Союзом, пока кому-то не пришло в голову протянуть Горбачёву ариаднину нить. С помощью этой нити Запад сумел выйти из смертельно опасного состояния балансирования на грани ядерной войны. Эта нить, подобно бикфордову шнуру, помогла сделать большее — взорвать социалистический лагерь, развалить СССР и без единого выстрела сделать когда-то вторую великую державу чуть ли не развивающейся страной. Если попытаться проявить объективность, проигнорировав собственные патриотические шоры, то как не поздравить руководство США, Англии и ФРГ с блестяще разыгранной талантливой политической комбинацией! Разыгранной, правда, не без помощи генсека Горбачёва.

Итак, в свете политической линии Вашингтона американские профцентры обрекали основные организации японских трудящихся на преодоление рамок международной изоляции за счёт дальнейшего развития связей с СССР. Важным этапом на этом пути стало приглашение в Японию первой советской профсоюзной делегации в 1955 году — за год до политической нормализации японо-советских дипломатических отношений. Международный отдел ЦК КПСС, не говоря уж о руководстве ВЦСПС, воспринял это прежде всего как свою заслугу. После длительного обмена мнениями было принято решение направить в Токио опытного функционера — члена Президиума ВЦСПС, председателя ЦК профсоюза железнодорожников Евгения Трофимовича Чередниченко, придав в переводчики меня. Евгений Трофимович успел к тому времени побывать в целом ряде стран и вернуться оттуда с солидным багажом достижений. Он показал себя мастером переговорных процессов, умным тактиком, эрудированным человеком не только в профсоюзных вопросах. И ещё одно его редкое по тем временам достоинство — равнодушие к приобретательству и валюте. Из Японии он привёз только спиннинг, отдав большую часть своих суточных мне, понимая, видимо, что его переводчику давно пора сменить старый костюм из вискозы и древесных опилок. Нужно ли говорить, что с подобными людьми нечасто удавалось встречаться в жизни, особенно в то время, когда в советских магазинах были пустые полки. Вещи тогда не покупали, а "доставали". Мы летим в неизвестность за тридевять земель. Карманы набиты до отказа, у шефа, помимо валюты, какие-то бумаги. Одна из них, пожалуй, самая важная — секретная директива ЦК КПСС. В ней расписано всё: основные цели делегации, тактика поведения в ходе переговоров, результаты, с которыми надлежит вернуться. Отступить от директивы — значит нарушить установку высшей инстанции — Центрального Комитета партии. За такие провинности не принято гладить по голове. У меня в пиджаке какие-то незапечатанные конверты, на первый взгляд самые обычные письма жён и детей мужьям, отцам, работающим за рубежом. Обычные ли? Люди, которые их передавали, долго интересовались иммиграционными и таможенными порядками в токийском аэропорту Ханеда.

— Вы не слышали от делегатов, подвергаются ли иностранцы натальному досмотру? — спрашивали они вновь и вновь.

Я не слышал, не знал. Думалось, не рискнут — заберут все письма обратно. Не забрали, только строго предупредили сдать их в Токио в первый же день лично первому секретарю посольства Часовникову, исполнявшему обязанности консула и, возможно, какие-то иные.

Двухмоторный самолёт Ил-14 стартовал из Внукова по маршруту Ленинград — Хельсинки — Стокгольм. Визы предстояло получать в японском посольстве в столице Швеции. Нас приняли там сдержанно, но вежливо. Услуги переводчика не требовались, дипломаты прекрасно говорили по-русски. Попросив подождать, консул куда-то ушёл. Вернувшись, сказал с улыбкой: "Ничем не могу порадовать, для вас пока ничего нет". Евгений Трофимович располагал другой информацией из Токио — визы выданы и находятся в Стокгольме. В тот же день он дал через наше посольство шифровку в Москву с просьбой выяснить ситуацию. Ответ пришёл через две недели. Но жалеть о вынужденной задержке не приходилось. Шведская столица очаровывала всем: замечательной архитектурой, высоким уровнем жизни, о котором у себя в стране мы не могли мечтать, сказочными магазинами, любовью шведов к спорту — они проводили по вечерам свободное время не в пивных или ресторанах, а на стадионах. В 1955 году хиппи ещё не появились, и стокгольмцы одевались так, как будто идут на приём, а не в магазин или парк. В своём вискозном вечно мятом костюме, сделанном в ГДР, приходилось постоянно испытывать чувство человека третьего сорта. Другое дело в Париже, где предстояло пересесть на самолёт компании KLM, вылетающий в Токио. Французы не делали фетиша из одежды. Они смеялись над нами по иному поводу — когда мы, привыкшие дома к сыру в качестве закуски, отказывались есть его на десерт или вино предпочитали крепкие напитки. А минеральная вода! Здесь уже мы смеялись над французами. Она была дороже, чем бутылка бордо, и это не могло нас не радовать. В Союзе нарзан и эссендуки стоили копейки.

В пятидесятые годы токийский маршрут для советского человека начинался из Парижа или Рима и пролегал через Афины, Каир, Анкару, Тегеран, Калькутту, Рангун, Бангкок, Манилу, Гонконг. Четырёхмоторные самолёты, летевшие со скоростью 600 км в час, совершали посадку на дозаправку через три-четыре часа. И в каждом аэропорту все

пассажиры, даже первого класса, перебазировались в транзитные залы. Исключение составляли мы, обладатели билетов суперпервого класса. Они давали право мирно спать в специальных купе, которые оборудовались для таких пассажиров на ночь. Мягкая кровать, индивидуальный вентилятор, электрическая лампочка, шторы, изолирующие от соседей. Отдыхаешь, вытянувшись во весь рост, как дома. ВЦСПС — богатая организация, и она не жалеет денег для руководящих функционеров. Крепко заснуть мешает лишь мысль: будут или нет подвергать в Токио нательному досмотру? Что последует за ним? Не аукнется ли нам эхом наш бывший "профсоюзник" Растворов? Вот она Япония! Из иллюминатора видишь сотни людей с красными знамёнами. На транспарантах крупными буквами по-русски: "Добро пожаловать в Японию, советские делегаты!", "Да здравствует японо-советская дружба!" Это пришли встречать нас. Сотрудники иммиграционной службы и таможни — сама любезность. Никаких нательных досмотров. Слава богу, кажется, пронесло. В Токио престижный отель в чисто японском стиле. Спим на полу на матрацах, раздеваться нам помогают женщины. Здесь так принято по отношению к гостям. За бумажными раздвигающимися стенами прекрасный парк-сад, где днём заливаются пением птицы, а по ночам громко трещат цикады. Экзотика! С ней ещё не приходилось сталкиваться в жизни. В нарушение московских инструкций в посольство попадаем лишь утром следующего дня. Письма переданы в кабинет за металлической дверью. Пусть их расшифровывают те, в чьи обязанности это входит. Консул Часовников приглашает позавтракать.

По стакану водки за завтраком

Столовая расположилась в маленьком подвале двухэтажного здания посольства. Повар полурусский, полуяпонец. Он и готовит и разносит нехитрую еду. Непривычно видеть, как на столы каждому дипломату ставят по стакану водки. Водка с утра? Впрочем, стоит ли удивляться и тем более осуждать? Люди годами живут без семей, под постоянной угрозой высылки. Да и что за жизнь, когда практически не выйдешь за ворота посольства. Днём и вечером на улице бушуют демонстрации. Усиленные динамиками истерические голоса лидера японских правых Акао Бина и других профашистских ораторов требуют немедленно убрать из страны представителей Советского Союза, не поставившего подпись под Сан-Францисским мирным договором. Японские хозяева везут нас по стране. Среди сопровождающих двое с военной выправкой. Они не скрывают принадлежности к японским спецслужбам. Один — начальник русского отдела контрразведки, второй — его заместитель. Оба хорошо знают нашу страну, популярные советские песни и даже обнаруживают неплохие познания в марксизме. Их задача — обеспечивать нашу безопасность. В самом деле, такая помощь необходима. В городе Киото к нам в гостиничный номер ворвался фанатик с коротким мечом в руке и начал угрожать немедленной расправой, пока, к его удивлению, я не заговорил с ним по-японски и не стал убеждать, что мы всего лишь профсоюзные работники и не имеем отношения к официальным советским властям. Более того — противостояю им, защищая интересы рабочих. В номере внезапно возникли наши телохранители и сумели тут же обезоружить фанатика. Не думаю, что это была специально спланированная акция. В своё время такой же фанатик ранил в Японии будущего российского императора Николая II, а в шестидесятые некий ультра проник на территорию американского посольства и полоснул его главу Эдвина Рейшауэра ножом. Правда не в грудь, а в ягодицу. Посла не намеревались убить, просто хотели опозорить.

Случай в Киото с фанатиком — всего лишь досадное исключение в программе пребывания делегации. В Токио, Осака, Киото, Хиросима и Нагасаки нас окружают тысячи улыбающихся дружеских лиц: рабочие, учителя, железнодорожники, преподаватели университетов. Все хотят поговорить и просто посмотреть на двух гражданских советских людей, впервые приехавших на Японские острова. Война ещё не ушла из памяти, её следы повсюду. Хиросима лежит в развалинах. В Токио, Нагасаки также следы разрушений. Промышленность далека от развития. Трудно поверить сегодня, что в то время грузовой автопарк страны состоял в основном из трёхколёсных машин. Бедность, нищие, проститутки на улицах. После нормализации советско-японских дипломатических отношений в 1956 году мне в течение 6 лет приходилось ежегодно бывать на островах по два, а то и по три раза. В то время, как наша экономика топталась на месте, японцы неудержимо рвались вперёд. К концу пятидесятых им ещё было далеко до Англии, Франции, Италии, Западной Германии. А уже через десять лет Япония вышла по размерам валового национального продукта на второе место после США в капиталистическом мире. О пружинах "японского чуда" написаны целые тома. Вряд ли стоит подробно останавливаться на них. Ощутимый вклад в японский экономический скачок внесли войны в Корее и во Вьетнаме. В ходе них на острова хлынул поток американских финансовых средств. Заработали японцы и на базах США.

Журналист, не учёный-экономист — ему далеко до строго научного анализа всех критериев японского экономического чуда. И всё же позволю себе среди других составляющих выделить одно: моральное кредо капитанов японского бизнеса. К чему сегодня стремятся, прежде всего, некоторые руководители нашей страны и так называемые новые русские? Их главная, всепоглощающая страсть — как можно скорее и по-крупному хапнуть, открыть валютный счёт за рубежом, обзавестись собственной виллой с четырьмя гектарами земли, как у бывшего президента Ельцина, попасть в десятку самых богатых людей на земном шаре. Ну а интересы страны, её народа? С этим можно подождать. Можно месяцами не платить заработную плату, разворовывать иностранные займы, разрушать промышленность, обрекать на нищету население России, лишать миллионы людей их банковских вкладов, бесконечно заниматься лечением в кремлёвских больницах и санаториях, уходя в незапланированные отпуска в самые критические для страны моменты. А то просто без конца совершать

государственные визиты в другие страны, вместо того чтобы заниматься решением накопившихся сложнейших проблем у себя дома.

По-иному в минувшие десятилетия рассуждали политические деятели и промышленные магнаты Японии. В Токио, когда в шестидесятые годы я приехал туда работать, моим соседом был премьер-министр Эйсаку Сато. Он жил через пару домов от меня в очень скромном особняке. У ворот дежурный полицейский и машина сопровождения с мигалкой. Всё!

Особняк, в котором находился корпункт "Известий", был значительно больше и к тому же окружён ухоженным садом. Напротив в скромном домике обитал сталелитейный король. Мой сын и его внук играли вместе на улице. Когда мне предложили в Москве принять участие в съёмках документального фильма о Японии, мы с режиссёром Юрой Мангловским и оператором Славой Ходяковым побывали в гостях у Тосио Доко — президента известной в мире компании "Тосиба." Я спросил его: почему так скромно живёте? Он, подумав, ответил: "Всё в будущем, а пока надо думать о стране".

"Думать о стране"... Похоже, что новое руководство во главе с Н. С. Хрущёвым по-своему также задумывалось о необходимости трансформации советской системы. Результат — разоблачение культа Сталина, посмертная реабилитация тех, кто замучен в тюремных застенках, и прижизненная политических узников ГУЛАГа. Делаются попытки, порой ошибочные, реформировать управленческий аппарат в центре и на местах, навести порядок в промышленности и сельском хозяйстве. Удаётся не всё и не сразу. Слишком стар, слишком мало подготовлен новый руководитель для осуществления коренных преобразований. Рывку вперёд мешают путы прежних убеждений, весь опыт работы и жизни. Не способствует прорыву и косное, традиционно консервативное партийное и управленческое чиновничество. И всё-таки хрущёвская оттепель открывает качественно новую страницу в истории страны и международных отношений. Вряд ли стоит здесь рассуждать о позитивном значении этого мудрого шага советского руководства. Остановлюсь на менее всего известной цели архитекторов "оттепели".

Весна во внутренней советской и внешней политике вовсе не означала конца идеологического противостояния с Западом. Она являлась более совершенной, более цивилизованной формой ведения холодной войны. Стратегические задачи оставались прежними — нанести ощутимый удар по укоренившемуся на Западе антисоветизму, создать более благоприятные условия для проникновения советского влияния в политическую и общественную жизнь, обеспечить возможности для дальнейшего повышения роли зарубежных коммунистических партий, роста их рядов и популярности в массах.

Что касается тактических средств и приёмов, призванных обеспечить достижение конечной стратегической цели, то их насчитывалось достаточно. В качестве одного из действенных инструментов советского идеологического наступления на интеллигенцию Запада должна была выступить созданная в 1958 году на базе прежнего ВОКСа новая, так называемая общественная организация — Союз советских обществ дружбы с зарубежными странами. Естественно, ССОД целиком финансировало правительство. По решению Политбюро ЦК КПСС, его возглавила бывший член руководства ВЦСПС, председатель Комитета советских женщин Нина Васильевна Попова — опытная, энергичная политическая деятельница, близкая к супруге Хрущёва. По старой профсоюзной памяти она пригласила меня к себе на работу.

Масштаб задач поражал своей грандиозностью. Предстояло создать общества дружбы с каждой в отдельности страной мира, построить за рубежом культурные советские центры — очаги распространения марксистского мировоззрения, наладить обмен делегациями видных деятелей искусства, организовывать за границей выставки, серии лекций о достижениях СССР.

Это те задачи, что на поверхности. Были и другие, традиционные для спецслужб. Под благовидным предлогом на разные приёмы, выставки, концерты, на показ фильмов приглашались сотрудники посольств, с которыми проводили работу офицеры КГБ, работавшие в ССОД, его американском, европейском отделах и в секторе по приёму иностранных делегаций. Сколько было завербовано дипломатов и зарубежных гостей, навсегда останется тайной за семью печатями. Протокольный отдел занимался вербовкой и кадровых сотрудников нашей организации. Как-то меня пригласили в кабинет к заведующему отделом, опытному контрразведчику, обладавшему завидным

даром располагать к себе с первого взгляда людей, внушать им симпатию и уважение. В кабинете вместе с ним сидел незнакомый человек средних лет с рядовой, неприметной внешностью. Он-то и начал разговор:

— Борис Иванович, я работник Комитета государственной безопасности. Мы давно наблюдаем за вами. Вы производите на нас самое хорошее впечатление. У вас есть хороший шанс сделать для Родины больше. Как вы смотрите на то, чтобы перейти на работу к нам? Мы гарантируем высокую заработную плату, быстрое продвижение по службе и многое другое.

Я поблагодарил за оказанное доверие, но попросил дать время подумать. Это произвело на собеседника хорошее впечатление — человек серьёзный, не отказался и в то же время не заглотнул вот так сразу заманчивую приманку. Мы расстались довольные друг другом.

Через пару дней я позвонил по данному мне телефону и, поблагодарив ещё раз, сказал, что при зрелом размышлении понял, что не подхожу для такой работы. Не вижу у себя необходимых данных.

Следуя современной моде, можно сегодня объяснить свой отказ от перехода на работу в Комитет государственной безопасности идейным неприятием этой организации. Вот, мол, каким прозорливым человеком я был уже в то далёкое время! Но эта книга — выстрел в себя. Зачем лгать? Ты разделял веру миллионов в незыблемость нашей системы и позитивную роль КГБ — стража интересов Родины и партии. Отказаться от перехода в разведку побудили иные соображения: претило всё, что связано с ношением формы, строгая дисциплина, когда не принадлежишь самому себе, опасность "засветиться", попасть в досье американских спецслужб в качестве агента КГБ и лишиться въездных виз в ту же Японию.

Созданное Общество СССР — Япония возглавил председатель Всесоюзной торговой палаты Михаил Васильевич Нестеров. Меня назначили ответственным секретарём — организатором всей практической работы. Имя Нестерова хорошо знали на Японских островах. Несмотря на преклонный возраст и огромную занятость, он много делал для развития торгово-экономических отношений с Японией в интересах обеих стран.

В жизни всё происходит неожиданно. И беда, и счастье сваливаются вдруг. Осенью 1961 года раздался звонок из редакции "Известий": не смогли бы вы зайти к нам по важному делу? Подумалось: что они хотят? Подготовить для них статью о работе общества? У меня нет времени. Но проигнорировать приглашение нельзя.

Правительственная газета, и в кресле её главного редактора зять Хрущёва Алексей Аджубей.

Речь в редакции пошла о большем — о переходе на работу в газету и поездке корреспондентом в Японию. Предложение выглядело заманчивым, я дал согласие с ходу. Мой собеседник Владимир Кудрявцев, заведующий иностранным отделом, заметил, что переговоры о переходе он берёт на себя. Известный газетчик переоценил свои возможности. Нина Васильевна Попова дала ему от ворот поворот: нам самим нужны опытные кадры, мы их воспитываем, а вы претендуете на готовенькое.

В тот же день меня вызвали "на ковёр". "Что вы потеряли в "Известиях"? — уговаривала Нина Васильевна. — Журналистика — неблагодарная профессия. Можете не справиться, необходимы способности и даже талант. Есть ли он у вас? А здесь хорошие перспективы, рост по службе. Хотите в Японию? Поедете по нашей линии директором Культурного центра. Это должность советника посольства. Согласитесь, неплохо для ваших тридцати лет?"

Известинцы оказались настойчивыми — запретный плод всегда кажется слаще.

Поповой позвонил по "кремлёвке" сам Аджубей. Портить с ним отношения не входило в её интересы. Через неделю я сидел за столом в газете. И тут пришли запоздалые сомнения. Быть может, Нина Васильевна права? Пусть небольшой опыт журналистской работы есть, свою первую статью "За что я люблю Павку Корчагина" опубликовал в 1941 году в "Пионерской правде", когда исполнилось всего тринадцать. Потом печатался в журналах "Новое время", "Советские профсоюзы". Печатался sporadически — два-три раза в год. А тут предстоит ежедневная передача информации. Япония — одна из ведущих стран. Читатель хочет регулярно видеть новости о ней на газетной полосе. Справлюсь ли, не осрамлюсь ли на фоне материалов из-за рубежа за подписью талантливых известинских журналистов-профессионалов? У них писательский дар от Бога. Мне же, кажется, нечем похвастаться.